

© 2021. Н. П. Генералова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Нужна ли была Хорю грамота? (И. С. Тургенев и А. А. Фет: Два взгляда на проблему первоначального образования)

Аннотация: В статье рассматриваются две точки зрения на проблему первоначального образования, грамотности — И. С. Тургенева и А. А. Фета. Автор описывает столкновение Тургенева и Фета, настроения и планы обоих литераторов в начале 1860-х гг. В августе 1860 г., в ожидании отмены крепостного права находясь в Англии, на острове Уайт, Тургенев задумал и составил «Проект программы «Общества для распространения грамотности и первоначального образования»». Фет, вынужденный уйти из литературы вследствие «гонений» на «чистое искусство», приобрел 200 десятин чернозема во Мценском уезде. Не имевший собственного имения и крепостных, поэт оказался накануне отмены крепостного права в положении фермера, которому пришлось пережить бесконечные неурядицы, связанные с введением реформ во все сферы экономической и политической жизни. Его публицистика затрагивала многообразные проблемы, одной из них была проблема грамотности. Мнение Фета по данному вопросу выглядит парадоксальным. Однако он не был одинок, призывая не отождествлять грамотность, образование и воспитание, отдавая в решении проблемы предпочтение нравственному воспитанию народа. Схожую позицию занимал В. И. Даль, чье письмо издателю журнала «Русская беседа» А. И. Кошелеву анализируется в статье.

Ключевые слова: грамотность, образование, просвещение, воспитание, А. А. Фет, И. С. Тургенев, В. И. Даль, «Хорь и Калиныч», деревенские очерки, письма.

Информация об авторе: Наталья Петровна Генералова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Группой по изданию сочинений И. С. Тургенева и А. А. Фета, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 08.04.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 16.06.2021

Дата публикации статьи: 30.09.2021

Для цитирования: Генералова Н. П. Нужна ли была Хорю грамота? (И. С. Тургенев и А. А. Фет: Два взгляда на проблему первоначального образования) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 3. С. 6–21. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-6-21>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 3, 2021, pp. 6–21. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 3, 2021, pp. 6–21. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. **Natalya P. Generalova**
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Did Khor Need Literacy? (I. S. Turgenev and A. A. Fet: Two Views on Primary Education)

Abstract: The article discusses two points of view on the primary education, literacy — I. S. Turgenev's and A. A. Fet's. The author describes the landmark clash between Turgenev and Fet, and also shows the mood and plans of both writers in the early 1860s. In August 1860, in anticipation of the abolition of serfdom, while in England, on the Isle of Wight, Turgenev conceived and drew up a "Draft Program for the Society for the Promotion of Literacy and Primary Education". And Fet, forced to leave literature as a result of "persecution" of "pure art", acquired 200 acres of black soil in the Mtsensk district. On the eve of the abolition of serfdom, the poet, who did not have his own estate and serfs, found himself in the position of a farmer, who had to endure fully on his own experience the endless troubles associated with the introduction of reforms in all spheres of economic and political life. His journalism touched upon a variety of issues, one of which was literacy. Fet's opinion on this issue looks paradoxical. However, he was not alone, urging not to equate literacy, education and upbringing, giving preference to the moral upbringing of the people in solving the problem. A similar position was taken by V. I. Dal, whose letter to the publisher of the journal "Russkaya Beseda" A. I. Koshelev is analyzed in the article.

Keywords: literacy, education, enlightenment, upbringing, A. A. Fet, I. S. Turgenev, V. I. Dal, "Khor and Kalinych", village essays, letters.

Information about the author: Natalya P. Generalova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Head of the Group for the publication of works by I. S. Turgenev and A. A. Fet, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, nab. Makarova St. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Received: April 08, 2021

Approved after reviewing: June 16, 2021

Published: September 30, 2021

For citation: Generalova, N. P. "Did Khor Need Literacy? (I. S. Turgenev and A. A. Fet: Two Views on Primary Education)." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 3, 2021, pp. 6–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-6-21>

В нашумевших в свое время очерках А. А. Фета, названных поначалу «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство», а впоследствии переименованных в «Заметки о вольнонаемном труде», содержится один любопытный фрагмент, который наверняка привлечет внимание И. С. Тургенева:

В прошлом году, в сезон тетеревиной охоты, мне привелось побывать у одного из героев тургеневского рассказа «Хорь и Калиныч». Я ночевал у самого Хоря. Заинтересованный мастерским очерком поэта, я с большим вниманием всматривался в личность и домашний быт моего хозяина. Хорю теперь за восемьдесят лет, но его колоссальной фигуре и геркулесовскому сложению лета нипочем. Он сам был моим вожатым в лесу, и, следуя за ним, я устал до изнеможения; он ничего. Попал я в эту глушь как раз на Петров день. Хорь сам quasi-грамотный, хотя не научил ни детей, ни внучат тому же. У него какая-то старопечатная славянская книга, и подле нее медные круглые очки, которыми он ущемляет нос перед чтением. Надо было видеть, с каким таинственно-торжественным видом Хорь принялся за чтение вслух по складам. Очевидно, книга выводила его из обычной жизненной колеи. Это уже было не занятие, а колдовство. Старшие разошлись из избы по соседям. Оставались только ребятишки, возившиеся на грязном полу, да старуха сидела на сундуке и перебирала какие-то тряпки близ дверей в занятую мною душную, грязную, кишашую мухами и тараканами каморку.

Старуха, верно, для праздника приневолилась над пирогами и потому громогласно икала, приговаривая: «Господи Иисусе Христе!» И посреди этого раздавались носовые звуки: «сту-жда-ю-ще-му-ся». Часа в три после обеда втащили буро-зеленый самовар, и Хорь прошел в мою каморку к шкапу с разбитыми стеклами. Там стояли разные бутылки с маслами и прокислыми ягодами, разнокалиберные чашки, помадная банка со скипидаром, а рядом с нею из замазанной синей бумаги выглядывали крупные

листья чаю. Тут же, на другой бумажке, лежал кусок сахара, до невероятия засиженный мухами.

— Не хочешь ли, старик, я тебе отсыплю свеженького чайку?

— Пожалуйте. Да ведь нам чай надолго, — прибавил Хорь. — Пьем мы его по праздникам. Попьем, попьем да опять на бумаге высушим. Вот он и надолго хватит [Фет 2007: 159–160].

Можно гадать, какую старопечатную книгу читал Хорь, скорее всего, это было Евангелие на старославянском языке. Ср.: «Во всем скорбяще, не стужающе си» (2 Кор. 4: 8), т. е. «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены». Правда, в слове, которое произносит Хорь, есть ошибка, поскольку буквы «д» в «стужающе» нет, как нет возвратной формы глагола «стужати» (теснить, стеснять, досаждать). Возможно, Фет воспроизвел неграмотное чтение Хоря, но не исключено, что в текст вкралась опечатка.

Любопытно отметить, что тургеневский Хорь грамотой не владел, в отличие от Калиныча, которому «грамота далась» легко, к тому же «у него и пчелы отродясь не мерли», как парадоксально выразился сам Хорь. На вопрос, выучил ли он детей грамоте, тургеневский Хорь признался, что только один из его сыновей, Федя, знает грамоте. Выходит, за то время, что прошло ко времени визита к нему Фета, Хорь все же кое-как овладел грамотой, хотя и читал по складам. А по свидетельству И. А. Баталина, как увидим далее, он читал не только Евангелие, но и рассказ Тургенева «Хорь и Калиныч» [Баталин].

Сюжет с посещением тургеневского Хоря, конечно, появился в очерках Фета не случайно. Попробуем разобраться, что хотел сказать своим рассказом автор. Но прежде отметим, что само по себе описание этого визита дает много фактических сведений о судьбе знаменитого тургеневского героя. Его выразительный портрет представляет нам человека, по-прежнему уверенного в себе, обладающего недюжинной силой, несмотря на солидный возраст. Он по мере возможностей гостеприимен и, отселившись от общины, не изменил своим привычкам. Уже следующие поколения подрастают в большой семье.

Напомним, что вошедший в историю Хорь стал героем еще одного очерка, принадлежавшего перу Ивана Андреевича Баталина (1844–1918), довольно известного в свое время журналиста, сотруд-

ничавшего в нескольких столичных периодических изданиях. В издававшейся им газете «Утро», где он вел ежедневную рубрику «Утренние беседы», Баталин, сам уроженец Калужской губернии, в 1897 г. опубликовал очерк «50-летие “Хоря и Калиныча”» и сообщил, что был знаком с Хорем, которого представил как «мощного, умного, высокого роста и необыкновенно радушного» старика. «Так как он был грамотный, — писал Баталин, — то Тургенев прислал ему свой рассказ; старик с гордостью перечитывал его каждому гостю» [Баталин]. К сожалению, Баталин не указал точное время своего знакомства с Хорем, но учитывая, что в 1859 г., когда тургеневского героя посетил Фет, журналисту было всего 15 лет, знакомство это состоялось еще позднее, по крайней мере лет через пять или более того.

Однако картина, нарисованная Баталиным, разительно отличается от той, что представил в своем очерке Фет. Впрочем, радушие присуще и фетовскому Хорю. Другое дело — результат его хозяйственной деятельности, которой так восхищался Тургенев в рассказе «Хорь и Калиныч». Напомним всем известные тургеневские строки:

Мы вошли в избу. Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен; в углу, перед тяжелым образом в серебряном окладе, теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт; между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков, не скрывалось задумчивых тараканов [Тургенев. Соч. 3: 9].

И дети у Хоря были все как на подбор, и квас хорош, и ломоть пшеничного хлеба огромен, и пегий жеребец сыт и силен. Даже отсутствующие прусаки были всего лишь резвы, а тараканы так и во все задумчивы. Недаром у чуткого В. П. Боткина с языка сорвалось слово «идиллия». Сколько было в этой идиллии правды, а сколько художественного вымысла, сказать теперь сложно, однако что-то должно было произойти в семье Хоря, если через пятнадцать-двадцать лет после Тургенева оказалось, что его благополучие было скорее мнимым, чем подлинным. Как надо было страдать за свой народ, как сильно желать ему добра, чтобы нарисовать картину, которая вошла не только в сознание читателей, но и сделала имена героев рассказа нарицательными! Попутно заметим, что упомянутые Тургеневым «суздальские картины», очень разнообразные по тематике,

были в действительности лубками, широко распространившимися по всей России. Наряду с иконами они встречались почти в каждой крестьянской избе¹. По-видимому, Тургеневу такая «живопись» была не по вкусу.

Кто-то может спросить: а не перегнул ли палку Фет, будто нарочно выбрав самые неприглядные стороны житья-бытья легендарного Хоря? Почему столь идиллически описанное Тургеневым хозяйство оказалось спустя два десятка лет в подобном запустении? На эти вопросы мы пока не можем ответить. Возможно, Хорю все же пришлось откупиться от своего помещика и попасть, чего он так опасался, в беспощадные лапы чиновников. Нас больше интересует другое.

История с визитом к Хорю включена Фетом в главу IX «Заметок о вольнонаемном труде», напечатанную в мартовском номере «Русского вестника» за 1862 г., написана же она была в конце 1861 г. и называлась «Песня». В ней Фет действительно рассуждал о русской народной песне и о проникновении в крестьянскую среду городского романа. Здесь вновь незримо появляются герои еще одного тургеневского рассказа из «Записок охотника».

Всем известна привычка русского ремесленника петь во время работы. Пахарь не поет, зато плотники, каменщики, штукатуры — почти неумолкающие певцы. Последнее слово напоминает очаровательный рассказ Тургенева: но я не был так счастлив, чтобы встретить что-нибудь похожее на описанных им певцов. Много переслушал я русских песен, но никогда не слышал ничего сколько-нибудь похожего на музыку [Фет 2007: 156].

Заключалось главка следующим рассуждением:

Дай Бог, чтобы русские крестьяне поскорее <...> почувствовали потребность затянуть новую песню. Эта потребность делает им трубы,

¹ Правда, к 1850-м гг. мода на лубок стала уходить из крестьянского быта. «Картинки суздальской гравировки украшают стены в горницах <...>, — писал сибирский литератор и краевед В. П. Паршин. — Суздальские картинки ныне стали в Сибири очень редки и только на Барабинской степи еще можно полюбоваться — гисториями в лицах: о носе и сильном морозе, о Фоме музыканте и Еремее плясуне, козе в сарафане и проч.» [Паршин: 103].

вычистит избу, даст человеческие постели, облагородит семейные отношения, облегчит горькую судьбу бабы <...> явятся новые потребности, явится и возможность удовлетворить их. <...> Нравственное развитие не гвоздь какой-нибудь, который можно произвольно забить в народ, как в стену. Оно уживается только с материальным довольством. А нельзя отрицать заметного стремления русского крестьянина к прогрессу в последние 25 или 30 лет <...> [Фет 2007: 157].

После довольно подробных рассуждений о проникновении в крестьянский быт новых веяний, даже по части одежды, Фет заключал: «Выше я радовался возникающим в народе потребностям некоторых удобств. Но эти факты действительно отрадны только там, где они являются выражением более высокого уровня жизни» [Фет 2007: 159]. Значит, последующее затем описание жития грамотея Хоря должно было продемонстрировать противоположный пример. Не случайно оно завершалось безотрадным выводом: «Кто после этого скажет, чтобы грамотность и чай были в семье Хоря действительными потребностями?» [Фет 2007: 160].

Комическое чаепитие одних и тех же подсушенных листов чая оставим в стороне. Но неужели Фет в самом деле считал грамотность излишней в крестьянской среде? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Это был первый год самостоятельного хозяйствования Фета в приобретенной летом 1860 г. Степановке. Вынужденный уйти из литературы вследствие «гонений» на «чистое искусство», Фет решил вопрос со своим «трудоустройством» с присущей ему прямоотой: он приобрел 200 десятин чернозема во Мценском уезде с недостроенным домом и активно взялся за обустройство своего нового жилища. Не имевший собственного имения и крепостных, поэт оказался накануне отмены крепостного права в положении фермера, которому в полной мере пришлось пережить на собственном опыте бесконечные неурядицы, связанные с введением реформ во все сферы экономической и политической жизни. Его обширная по объему публицистика затрагивала многообразные проблемы, возникавшие в ходе реформ. Одной из них была проблема грамотности.

Напомним, что в августе 1860 г., в ожидании долгожданного события — отмены крепостного права — находясь в Англии, на острове Уайт,

Тургенев задумал и составил «Проект программы “Общества для распространения грамотности и первоначального образования”». К этому проекту прилагалось циркулярное письмо, разосланное ряду адресатов. Объявляя Общество помощником правительства в деле освобождения людей от «другого рабства — рабства невежества», Тургенев предлагал широкую программу обустройства школ, кабинетов для чтения, выпуска учебной литературы и т. д. [Тургенев. Соч. 12: 359–366]. Активное участие в подготовке этих документов принял верный друг Тургенева П. В. Анненков. Предполагалось широкое обсуждение Проекта, причем свои замечания и добавления следовало направлять по двум адресам — Тургеневу (в Париж, до востребования) и Анненкову (в Петербург). Работа по распространению Проекта и циркулярного письма закипела. Тургенев привлекал к переписыванию всех своих знакомых — от графини Елизаветы Егоровны Ламберт до Марии Александровны Маркович (Марко Вовчок). Результат этой деятельности был, однако, не слишком значителен. Идея, что называется, витала в воздухе: в апреле 1861 г. состоялось первое заседание Комитета грамотности, учрежденного при Вольном экономическом обществе. Задачи этого Комитета в основном совпали с теми, что выдвигал Тургенев. Не было ничего удивительного и в том, что через год, 12 октября 1861 г., Тургенев стал членом этого Комитета [Летопись: 310].

Знал ли Фет о замысле Тургенева? Конечно, знал, ведь в это время оба страстных спорщика активно общались и переписывались. 31 августа (12 октября) 1860 г. Тургенев писал Фету из Парижа по поводу своего проекта: «Я послал несколько копий этого проекта в Россию — и буду продолжать посылать. Пошлю и Вам. Прочтите и скажите свое мнение. Дело, кажется, хорошее — и практически задумано. <...> Напишите Ваше мнение — и, буде случится, возражения» [Тургенев, Письма 4: 234].

Комментируя это письмо, А. И. Батюто отметил: «Мнение Фета об этом документе неизвестно» [Тургенев. Письма 4: 581]. Для такого заключения были, казалось, все основания. Действительно, ответ Фета (а он, разумеется, был) до нас не дошел. Публикуя письмо в первом томе «Моих воспоминаний», Фет также не оставил никаких комментариев. Нет упоминаний об этом сюжете и в последующих сохранившихся письмах Тургенева. И все же, на наш взгляд, можно с уверенностью утверждать, что Фет отказался читать составленный Тургеневым

проект или очевидным образом высказался не в его пользу. Появление Хоря на страницах «Записок о вольнонаемном труде» является несомненным тому подтверждением.

Но есть еще одно доказательство сказанного. Это письмо Фета к М. М. Ледерле, написанное за год до смерти и не так давно введенное в научный оборот [Генералова: 62–64]. В первых числах июня 1891 г. известный в свое время издатель и книгопродавец Михаил Михайлович Ледерле, задумавший, по примеру европейских авторов, составить своеобразный опросник, призванный представить список рекомендованных книг для чтения, разослал 2000 экземпляров циркулярного письма, в котором обратился к известным представителям культуры и науки с просьбой ответить на ряд вопросов. И хотя из 2000 предполагаемых ответных писем Ледерле получил лишь 86 «отрицательных и положительных ответов», книга все-таки вышла в свет, хотя и гораздо позже, чем рассчитывал издатель. Называлась она «Мнения русских людей о лучших книгах для чтения» [Мнения]. Получил такое циркулярное письмо и Фет. Его ответ был частично воспроизведен в книге, однако важнейшие пункты его письма, позволяющие отнести ответ Фета скорее к «отрицательным», нежели к «положительным», были Ледерле опущены. Вот что писал Фет:

Смущают меня понятия с одной стороны грамотности, а с другой образования, из которых первое представляет только самую низшую ступень беспредельной лестницы второго. Так как первое относится ко всей массе народонаселения, то не могу умолчать, что, придерживаясь изречения «*primum edere, deinde philosophari*» (т. е. «начала пища, потом философия». — Н. Г.), считаю, что надо бы в течение 30 лет со дня освобождения масс заботиться хотя бы о сохранении того нравственного и материального благосостояния, которым они пользовались при прежнем порядке, тем более что сама реформа нашла название: улучшение быта крестьян. Между тем мы сделали все, чтобы внести в народные массы полное неуважение к законному порядку и нравственности: воспользоваться самыми низкими народными инстинктами для близоруких фискальных целей.

Итак, главное, на чем зиждется искомое благо народа, болезненно надломлено, причем упущено из виду, что человек, поднявшийся в материальном отношении над уровнем других, тем самым вынуждается к грамотности и тому роду образования, в котором чует ближайшее нравственное

благо. Можно допустить предложение со стороны интеллигенции народу умственной пищи на тех же экономических основаниях, на каких в городах предлагается рядом с черным хлебом и белый, но навязывать бедняку, который не в состоянии купить и черного хлеба, во что бы то ни стало белый, хотя и губительно в экономическом отношении, но далеко не настолько, насколько вредоносно искусственное распространение грамотности, тем более в видах проводника так называемых последних слов науки. <...> Нельзя же в самом деле серьезно говорить о последних словах науки. Наука по своей бесконечности последних слов иметь не может, и нередко вчерашнее последнее слово оказывается сегодня решительным вздором [Генералова: 63].

Далее Фет излагал свои мысли о классическом образовании, не раз высказанные им в разных статьях и частной переписке. Именно этот фрагмент письма Ледерле воспроизвел в своей подборке. Но нас интересует в данном случае другое, а именно отношение Фета к вопросу о первоначальной грамотности.

Таким образом, противопоставляя «беспредельную лестницу» образования его первой ступени — грамотности, распространением которой были озабочены передовые умы, Фет спустя 35 лет возвращался к спору, начатому еще в 1856 г. публикацией письма В. И. Даля к А. И. Кошелеву, в котором утверждалось, что «грамота сама по себе ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит» [Даль: 3]. Откликаясь на призыв выступить на страницах вновь образованного славянофильского журнала и надеясь, что слова его не будут «выворачивать наизнанку», автор знаменитого Словаря живого великорусского языка, над которым он в это время трудился, подробно объяснил свою позицию. «В противуборстве западному приливу и волнению, кажется, не может быть иного смысла, как требование, во-первых, принимать образованность и просвещение в добром направлении его, а не в дурном — (можно быть умным и ученым негодяем), — и, во-вторых, принимать его не бессознательно, а применяя и приурочивая к своей почве, следовательно, отвергая или изменяя все то, что нам негодяе, что не может быть приурочено» [Даль: 1]. В обстановке горячих обсуждений будущей реформы, чрезвычайного оживления русской журналистики Даль счел необходимым предупредить спорящих об опасностях, грозящих всему укладу русской жизни вследствие заимствованных с Запада учений и бездумного перенима-

ния чужого опыта. В статье Даля рассматривались различные стороны проблемы, но начал он с уточнения, что же следует понимать под просвещением.

Нож и топор — вещи необходимые, — писал Даль, — а между тем сколько было зла от ножа и топора? Пример этот крут; чтобы показать степени в этом деле, примените то же рассуждение к пороху, к пару, к самой грамоте, и вы конечно согласитесь, что для доброго, полезного приложения изобретений этих к делу нужно быть приуготовленным, приспособленным; нужно пройти через низшие ступени к высшим, нужно понять опасность обращения с таким товаром и не только умом и сердцем желать добра, но и не заблуждаться насчет последствий; а заблуждение это именно тогда вероятно, когда мы слепо и бессознательно подражаем [Даль: 2].

«Но разве *просвещение* и *грамотность* одно и то же?» — восклицал далее автор письма в «Русскую беседу» и отвечал: «Грамота только *средство*, которое можно употребить на пользу просвещения, и на противное тому — на затмение» [Даль: 3].

Прошу не принимать слов моих в таком смысле, — писал Даль, — будто я гоню грамоту; нет, я хочу только убедить вас, что грамота не есть просвещение, а относится к одному внешнему образованию, и поэтому не может быть сущностью забот наших для образования простолюдина. Придавать лоск прежде отделки вещи нельзя, разве для того только, чтобы обмануть наружным видом ее. Слово *грамотей* уже частенько слышится в бранном смысле как равносильное плуту, даже мошеннику, и в этом случае именно подразумевается, что грамотность у этого человека заняла место совести [Даль: 4].

Приводя примеры, когда тот или иной мужик пытался использовать знание законов в свою пользу, будучи не прав, Даль красочно описывает несколько случаев, когда правда восстанавливалась согласно исконным народным обычаям, а не письменным указам. Среди них приведен и такой:

А случилось ли вам когда-нибудь видеть, как веритель, взяв в руки нож и бирку неплательщика, сурово грозит ему: «Эй, срежу, вот ей, ей, срежу»,

и как отчаянный должник кланяется в пояс и, сознавая вину свою, упрашивает заимодавца потерпеть на нем, приговаривая: «Бог не без милости, отдам, не душа лжет, мошна»; а я видел это своими глазами в одной из низовых уральских станиц. Коли безнадежный долг срезан с бирки, то его уже нет; но должник обещан навек <...> срезанную бирку такого-то кажут на весь мир, и делу конец. Это мирская опала, от которой и бессовестный сохнет [Даль: 5].

Любопытно, что вторая глава последнего тома мемуаров Фета «Ранние годы моей жизни» начинается с воспоминаний о том, как он учился грамоте. Попутно он рассуждает о том, кто обучал грамоте в русской деревне и кому более пристало этим заниматься:

Во время моего детства Россия, не забывшая векового прошлого, знала один источник наук и грамотности — духовенство; и желающие зажечь свой светильник вынуждены были обращаться туда же [Фет 1893: 15].

Судя по всему, отчим Фета Афанасий Неофитович Шеншин, которого будущий поэт называл отцом, придерживался домостроевских правил в деле образования и не спешил открывать школы в своем имении:

По отношению образования крепостных людей отец всю жизнь неизменно держался правила: всякий крестьянин или дворовый, по достижении сыном соответственных лет, обязан был испросить позволения отдать его в обучение известному ремеслу, и бывший ученик обязан был принести барину на показ собственного изделия: овчину, рукавицы, подкову, полушубок или валенки, и только в случае одобрения работы отцу дозволялось просить о женитьбе малого. И вот одна из главных причин сравнительного благосостояния отцовских крестьян. Что же касается до грамотности, то желающим предоставлялось отдавать мальчика к попу <...> [Фет 1893: 15].

Но далее Фет сообщает о том, что отец «никогда не проверял успехов школьников», и объясняет причину столь странного отношения к учебе: «...так как все счета в заглазных имениях велись неграмотными старостами по биркам, а общие счета отец сводил собственноручно, для чего нередко просиживал ночи, чем немало гордился, называя это своими мозолями» [Фет 1893: 15–16].

Счет *по биркам* был своеобразной формой фиксации имущественных отношений еще в средние века, своего рода векселями, применявшейся как в Западной Европе, так и в России. Изначально *биркой* (от шведск. *björk* — береза) называли обструганную с одной стороны палочку, плашку из березы или другой мягкой древесины, на которую наносились зарубки, после чего плашка расщеплялась и оставалась на руках тех, кто совершал сделку (должником и кредитором, поставщиком и плательщиком, хозяином и работником и т. п.). В данном случае старосты таким образом учитывали отработанные крестьянами в пользу помещика дни или произведенные мастеровыми изделия. Подробно описал счет «по бирками» орловский историк Г. М. Пясецкий:

Орловское купечество, не учась грамоте, не имело у себя никаких долговых записей или расписок; а если кто у кого делал забор, то метили на бирку. Это была небольшая деревянная палочка, толщиной в палец, с одной стороны обтесанная. На этой палочке, или бирке, поперек плоской стороны делались различные зарубки — прямые, косые и крестовидные; прямые черточки означали единицы, косые — десятки, а кресты — сотни. По начертании таких знаков палочка разделялась на две половинки, из которых одну вместо расписки брал себе кредитор, а другую должник или приемщик. Если должник медлил расчетом, то купец, при свидании, считал себя вправе пристращать его словами: «Отдашь ты мне долг или нет? А то срежу!» — т. е. срежу знаки, которые были на бирке. При этих словах должник падал купцу в ноги и просил повременить еще. Срезание бирки без уплаты долга считалось за великое бесчестье; такому человеку ни у кого более нет доверия. Если же и после этого долг не уплачивался, тогда кредитор дождал воскресного или праздничного дня, чтобы учинить полный расчет с своим должником. Теперь, по выходе с обедни, кредитор всенародно снимает с него шляпу, и тот остается уже самым негодным человеком в городе [Пясецкий: 67]¹.

Фет не скрывает своего восхищения надежным способом учета товарно-денежных отношений. Правда, отмечает, что среди молодой дворни новоселковского барина почти все были грамотными, хотя не отказывает себе в удовольствии иронизировать по поводу глубины

¹ За эту ссылку приношу сердечную благодарность Е. Н. Ашихминой.

приобретенных дворовыми знаний, рассказав о случае с буфетчиком Павлом Тимофеевичем, попавшим «в силу своей грамотности» при распродаже дубового леса в приказчики и собственноручно записывавшим расход дубов и приход денег:

Ему не только хорошо были известны буквы и цифры, но и знаки препинания, постоянно выручавшие его из беды. Так, когда в слове: «получено» — ножка «л» слишком близко подвигалась под брюшко «о», и читающий мог принять это сочетание за «а», — на выручку являлась запятая, указывающая, что это две буквы, а не одна [Фет 1893: 16].

В письме Даля и деревенских очерках Фета встречается немало и других переключек, о которых следовало бы говорить особо.

Откликаясь на полемику, возникшую по вопросу о первоначальной грамотности, Фет еще в 1863 г. писал в очерке «Из деревни»:

Кого же было бы всего желательнее видеть теперь народным воспитателем? Бесспорно, священника, пока не явятся специальные педагоги, воспитанные в духе христианского смирения и любви [Фет 2007: 252].

И там же:

Христианство является, бесспорно, высшим выражением человеческой нравственности и основано на трех главных деятелях: вере, надежде и любви. Первыми двумя оно обладает наравне с прочими религиями. Нет религии без веры и надежды; зато *любовь* — исключительный дар христианства, и только ею Галилеянин победил весь мир. Излишне говорить, что вера, надежда и любовь свойственны душе человека. Христианство и не могло бы быть таким могучим двигателем, опираясь на несуществующее. И важна не та любовь, которая, как связующее начало, разлита во всей природе, а то духовное начало, которое составляет исключительный дар христианского воспитания [Фет 2007: 244].

Таким образом, Фет предлагал не отделять вопрос о грамотности от вопросов образования и воспитания, но в то же время не смешивать этих понятий. Думается, что ему, столкнувшемуся в первоначальный период своей хозяйственной деятельности с целым рядом насущных

вопросов, которые предстояло решать в пореформенное время, идея Тургенева не показалась первоочередной, и он прямо сказал ему об этом.

Следует, пожалуй, добавить, что в упомянутом циркулярном письме Ледерле речь о первоначальной грамоте даже не заходила. К тому же к 1890-м гг. количество начальных школ, в том числе и церковно-приходских, было весьма значительным и вряд ли могло вызвать возражения. Затронутый Ледерле вопрос побудил Фета вернуться к давнему спору и еще раз сформулировать ответ на него. Следует добавить: свое циркулярное письмо Ледерле с гордостью подписал: «Искренне Вас уважающий М. Ледерле, член Совета С.-Пб. Комитета грамотности» (курсив мой. — Н. Г.) [Генералова: 60]. Того самого Комитета грамотности, членом которого в октябре 1861 г. стал Тургенев.

Список литературы

Источники

Баталин И. А. Утро. 1897. № 16. 18 января.

Даль В. И. Письмо к издателю А. И. Кошелеву // Русская беседа. 1856. Т. 3. Отд. V: Смесь. С. 1–16.

Мнения русских людей о лучших книгах для чтения. СПб.: Изд-е М. М. Ледерле и К°, 1895. 192 с.

[*Паршин В. П.*] Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное 1849 г. В. П. М.: Тип. Александра Семена, 1851. 230 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1978–1986; Письма: в 18 т. М.: Наука, 1982–.

Фет А. А. Ранние годы моей жизни. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1893. 548 с.

Фет А. А. Собр. соч.: в 20 т. СПб.: Фолио-Пресс — Атон, 2007. Т. 4. 558 с.

Исследования

Генералова Н. П. А. А. Фет о книге и круге чтения (Письмо к М. М. Ледерле от 25 июня 1891 года) // Русская литература. 2020. № 4. С. 55–64. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-55-64

Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862) / отв. ред. Н. П. Генералова. СПб.: Росток, 2018. 680 с.

Пясецкий Г. М. Забытая история Орла. Орел: Изд-во Орлов. гос. телерадиокомпании, 1993. 251 с.

References

Generalova, N. P. “A. A. Fet o knige i krugе chteniia (Pis'mo k M. M. Lederle ot 25 iunია 1891 goda)” [“A. A. Fet on Book and Readership (Letter to M. M. Lederle, June 25, 1891)”]. *Russkaia literature*, no 4, 2020, pp. 55–64. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-55-64 (In Russ.)

Generalova, N. P., editor. *Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva (1859–1862)* [*Chronicle of I. S. Turgenev's Life and Works (1859–1862)*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2018. 680 p. (In Russ.)

Piasetskii, G. M. *Zabytaia istoriia Orla* [*Forgotten History of Orel*]. Orel, Izdatel'stvo Orlovskoi gosudarstvennoi teleradiokompanii Publ., 1993. 251 p. (In Russ.)